МАНИ ЛЕЙБ

ТИШЕ, ТИШЕ

Зише Ландау

Тише, тише — смолкни, крик!
Каждый — бледен, безъязык,
Станем, чуть дыша, во мгле,
Болью пригнуты к земле.

В час ночной, из самой тьмы,
Он примчится в тишине
К нам на белом скакуне,
И его увидим мы.

Увидав сиянье глаз,
Белый цвет его плаща,
Мы воспрянем, трепеща,
Свет его падет на нас.

Только — тише! Смолкни, крик.
Каждый — бледен, безъязык,
Станем, чуть дыша, во мгле,
Станем, пригнуты к земле.

Если это — жалкий бред,
Если все — посул пустой,
Если мы во тьме густой
Даром ждали столько лет —

Долу боль приклонит нас,
Долу склонимся с тоской,
В тишине, рука с рукой —
Тише, тише, что ни час.

Тише, тише — смолкни, крик!
Каждый — бледен, безъязык,
Станем, чуть дыша, во мгле,
Болью пригнуты к земле.

НА ПЯТОЙ АВЕНЮ

На Пятой авеню есть белые стены,
Белые стены, переполненный зал.
Девушки шьют и ждут смиренно,
Когда раздастся вечерний сигнал.

Но в омуте часов не слыхать его звона,
А день в лихорадке — и бредит уже,
Ходят девичьи руки, взвизгивают сонно
Иглы на тринадцатом этаже.

Белый шелк, синий шелк, и лиловый, и алый —
Взвизгивают иглы — все тоньше их стон,
Входит солнце, от горя бледное, в залы —
И клубится пыль средь зеленых колонн,

И взвизгивают иглы глухо и сонно
Где-то на тринадцатом этаже.
Ходят девичьи руки — а звуки и звоны
В омуте тонут, неслышные уже.

Я — МАНИ ЛЕЙБ

Я — Мани Лейб. Не знать невозможно.
Знают Бронсвилль, Егупец и целый свет:
Не худший сапожник в цехе сапожном,
В цехе поэтов — не худший поэт.

Юнцом-подмастерьем (так оно было)
Сидел, тачал сапоги — и вдруг
Из сердца песня ввысь воспарила...
И выпало тут же шило из рук.

Так первая Муза ко мне слетела,
Меня поцелуем даря своим,
И дрожь впервые пронзила тело,
Которая слово дает немым.

И стали уста, как источник свежий,
И песня — как гостья издалека,
И сделался тесный мой мир безбрежен,
И сладостен хлеб, и доля сладка.

Других подмастерьев нашего цеха
Смутило песен моих волшебство.
Но я не добился у них успеха:
Они не могли понять ничего.

Их жизнь была полной слез и печали,
И на мои песнопенья в ответ
Меня осмеяли и прозвище дали:
Башмачник-рифмачник, штиблет-поэт.

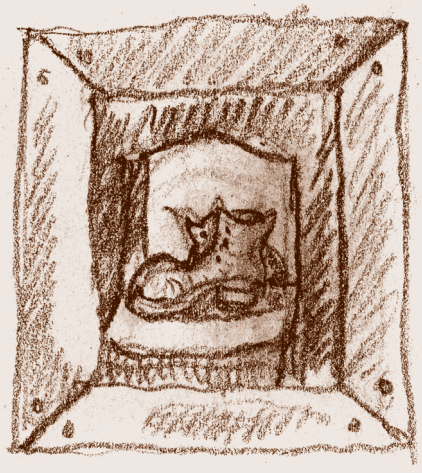
Ну что ж, ухожу — до свиданья, братцы!
Неужто за шилом я кончу дни!
Хочу до поэтов скорее добраться,
Хочу я стать таким, как они.

Как только — птенец, скорлупу пробивший, —
Достиг я почтенной этой среды,
Был ими обласкан сапожник бывший
И принят немедленно в их ряды.

Поэты, подобные певчим птицам!
Петь гимны невиданным чудесам
Судьба нам — выспренним, белолицым…
Как в день базарный нищим певцам.

Мы пели — и наш напев повторяя,
От края до края мир пел и цвел.
И голод томил нас, и доля злая,
И в гроб молодым не один сошел.

Господь питает и птичку в небе —
Одним лишь поэтам не повезло.
Пришлось и мне, в заботах о хлебе,
Вспомнить сапожное ремесло.

Но, Муза, спасибо — пускай немного
Еды и питья в закромах твоих.
Служу я тебе бескорыстно, строго:
Тачаю сапог — и слагаю стих.

Так пусть эти несколько слов несложных
Помнят Бронсвилль, Египец и целый свет:
По счастью, я не поэт-сапожник,
Я, Мани Лейб, — сапожник-поэт!